

Семен Юшкевич

Король

Семен Юшкевич

Король

«Public Domain»

1906

Юшкевич С. С.

Король / С. С. Юшкевич — «Public Domain», 1906

С. Юшкевич в «Короле», нарисовав социально обобщенный портрет рабочего коллектива, правдиво отразил массовые выступления революционного пролетариата против капиталистов. «Король» не случайно был опубликован под одной обложкой с горьковскими «Врагами» в XIV сб. «Знания» за 1906 г. – обеим пьесам была присуща несомненная идейно-жанровая и тематическая близость. В образе «короля» – фабриканта Гросмана Юшкевич с большой резкостью разоблачил цинизм, внутреннюю опустошенность, безнравственность капиталистического мира, царящую в нем власть золота. Фигуре Гросмана противостоит лагерь рабочих, вступающих в непримиримый классовый конфликт с могущественным хозяином. Однако в трактовке революционных возможностей пролетариата Юшкевич исходил из меньшевистских позиций, что сказалось в финале драмы, лишенном исторической перспективы, проникнутом пессимистическими настроениями. Верность реалистическим художественным принципам проявилась в «Короле» не только в социально точной «расстановке» противоборствующих сил эпохи, но и в том, что именно конфликт между этими силами составил сюжетный стержень пьесы, определил нарастание драматического действия. В этом отношении «Король» примыкал к жанру публицистически заостренной общественно-политической драмы, образцом которой были горьковские «Враги». Запрещенная к постановке на сцене сразу же после публикации, драма Юшкевича находилась под запретом до 1908 г.

© Юшкевич С. С., 1906
© Public Domain, 1906

Содержание

Действующие лица	6
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Семен Соломонович Юшкевич

Король

Действующие лица

Давид Гросман – владелец мельницы.
Этель – его жена.
Александр, студент
Женя
Маша
Петя, гимназист – их дети.
Яков Розенов – врач, муж Жени.
Вайц – репетитор Пети. Живет у Гросмана.
Герман – управляющий на мельнице.
Горничная.
Эрш – портной.
Роза – его жена.
Мирон
Бетя – их дети.
Рабочие.
Нахман
Шмиль – сапожник.
Живет у Эрша.
Маня – сестра госпожи Гросман.
Абрам – муж ее.
Чарна – соседка Эрша.
Старуха.
Давидка
Иоська
Арн – рабочие на мельнице Гросмана.
Яков
Степан
Рабочие, служащие на мельнице, соседи, соседки.

Действие происходит в большом городе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Столовая в доме Гросмана. Большая, просторная комната. Четыре окна на улицу, балкон. Посреди длинный дубовый стол. Вдоль стен дубовые стулья с высокими спинками. Над столом висит тяжелая бронзовая лампа. Две двери: направо и налево. Дверь с левой стороны ведет в кабинет Гросмана, а с правой в другие комнаты. С правой же стороны колоссальный буфет и стенные часы в деревянном футляре. Несколько картин – копий в больших золоченых рамах. У стены слева широкий кожаный диван с высокой спинкой. Из окон видно море. Несколько ближе вырисовывается большое здание мельницы с высокой трубой посередине. На диване сидят Этель Гросман с Женей. Этель – высокая женщина в пеньюаре. В ушах бриллиантовые серьги. На пальцах масса колец. Женя высокая, стройная. Держит на коленях раскрытую книгу. Говорит всегда напыщенно. Ее жесты вульгарны. Голос крикливый, манерный.

Этель. Я и вчера говорила и сегодня говорю одно и то же: не надо было бросать дома.

Женя. Я не могла более терпеть...

Этель. Что значит, Женечка, не могла? Я не понимаю, что значит – не могла. Если надо, то надо. Сегодня или завтра в городе узнают об этом и о нас начнут говорить. Все злорадно скажут: дочь Гросмана бросила своего мужа. Отец ведь, слава богу, имеет врагов.

Женя. Но я же тебе говорю, мама, что не могла больше тянуть эту жизнь. Вставать по утрам и видеть его заплывшие глаза, его хищный рот...

Этель (*перебивает*). По-моему, Яков красивый мужчина.

Женя. Чувствовать его грубость во всем: в словах, в тайных мыслях, во вкусах; знать, что самый мозг его заражен пошлостью, и все-таки жить с ним – стало невозможным. Я случайно узнала о его связи с моей бонной... Подумай, на кого он меня променял? На какую-то грязную служанку! Я даже не страдала... от гордости. (*Понижила голос.*) Но это, мама, еще не все.

Этель (*со страхом*). Что же еще?

Женя (*с отвращением*). Он стал биржевиком! Биржевиком! В моем доме появились какие-то странные, неопрятные люди... У него заметно уменьшилась практика. Больные ведь все замечают... Подумай только, мама, кто начал заниматься этим грязным делом. Доктор, интеллигент! Ведь это ужасно! (*Подносит платок, к глазам.*)

Этель. Ему захотелось разбогатеть.

Женя. Я все скрывала от вас. С первого дня моего замужества он дал мне почувствовать, в чьих руках моя судьба, мое достоинство. Он бесконечно груб, циничен. Он равнодушен ко всему прекрасному, идеальному...

Этель. Почему же ты не пришла к своей матери и не рассказала?

Женя. Случалось, я по неделям не выходила из своей комнаты. Сидела и спрашивала себя: зачем же я училась в гимназии? Ведь я об университете мечтала. Нет, я не буду плакать... Я была так молода, когда выходила замуж... Мне нравилось быть взрослой, мне хотелось, чтобы считались с моими словами, я жаждала свободы! (*Вытирает платком глаза. Напыщенно.*) Свободы!

Этель (*мрачно*). Все думают, что если человек очень богат, то он счастлив!

Женя. Счастлив! О, мама! Я бы отдала все свои бриллианты, свою квартиру за простую комнатку, лишь бы быть в ней с человеком, которого уважаешь. У меня трое детей. Они вырастут, и у них будут хищные рты. Они станут биржевиками. (*Встает.*) Никогда я не вернусь к нему, никогда! (*Подходит к окну и выглядывает на улицу.*) Как здесь красиво. (*Вздыхает.*) Вот море, мельница...

Этель. Я заставлю отца переговорить с Яковом. Ты знаешь, отец не любит этих дел, но я его заставлю.

Женя (*машет рукой*). Не надо! Вчерашнее для меня стало прошлым.

Этель (*недовольно*). Вот это нехорошо, Женечка. Поссорились – помиритесь! Мне разве не случалось ссориться с отцом? Но я знаю, когда уступить и когда стать вот так и – как он ни богат – сказать ему: этого не будет, Давид!.. Уйти от мужа! А палками меня бы выгнали из своего дома? Что ты будешь у нас делать? Смотреть на стены или слушать разговоры о том, что на мельнице рабочие забастовали. Мы сами умеем слушать. Подумать, из-за чего? У мужа любовница! Пусть любовница. Какой муж не имеет любовниц? Что делает жена? Берет любовницу за косу, выбрасывает ее вон, и конец. Что же еще? Он стал играть на бирже. Какое несчастье! Но ради кого он это делает? Ради тебя же. Больше денег – больше платьев, больше бриллиантов. Перестань, дурочка. Ты-то гони его от себя, пусть он и постоит на коленях перед тобой, этот разбойник, но в душе ты должна знать, что поедешь домой. (*Умолкает.*) Женечка...

Женя. Довольно, мама. Говорить так – значит не знать, что в моей душе, что держу затаенным в мыслях...

Этель удивленно разводит руками. Дверь справа медленно приоткрывается, и в ней на миг появляется голова Эрша, потом скрывается.

Этель. Кто это там? Кажется, Эрш? Женечка, пришел чужой... (*Делает ей знаки.*)

Женя подходит к окну, опирается о подоконник и мечтательно смотрит на мельницу. Опять показывается голова Эрша. Он осторожно открывает дверь и останавливается на пороге. В руках у него узел. Кланяется, заискивающе улыбается, но не решается переступить дверей.

Эрш. Здравствуйте... (*Кланяется.*) Здравствуйте!

Этель. Войдите же, Эрш. Вы принесли шубу?

Эрш. Я принес шубу.

Этель (*невнятно, скороговоркой, Жене*). Видишь, кто шьет отцу? Все тот же Эрш. А почему? Потому что он шьет дешево. Мы сами когда-то были бедны и знаем, что деньги не валяются на улицах. Почему же не простить Якову? Пусть делает все, что хочет, лишь бы хорошо зарабатывал. Войдите же, Эрш. Сколько раз вас нужно просить?

Эрш (*входит прихрамывая*). Вот я уже вошел. Господин Гросман дома?

Этель. Давид дома, но он теперь занят. О забастовке вы ведь знаете? Вот он и сидит с Германом в кабинете и работает. Хорошие времена наступили, Эрш, – нечего сказать.

Эрш. Ну я подожду. Что, у меня времени нет? Имею время. (*Заметил, что Женя смотрит на него.*) Здравствуйте.

Женя (*неохотно*). Здравствуйте!

Этель. У вас есть время, Эрш, а мне жалко человека. Я всегда жалею рабочего человека. Пойду и посмотрю, что делает Давид.

Эрш. Нет-нет... К чему? Имею время. Я вас прошу – не беспокойте их. Это же человек! Такие дела, и вдруг Эрш со своей шубой. Я вас прошу. Они рассердятся, я потеряю язык, а шуба ведь не скажет, что она хорошо сшита. Вот я уже выхожу в переднюю, уже сижу там, и уже никто не знает, что я пришел...

Этель. Так посидите здесь. (*Указывает ему место в углу.*)

Эрш (*твердо*). Могу постоять... (*Садится и старается сделать вид, что его нет в комнате.*)

Этель переходит комнату и усаживается на стуле у левой стены. Небольшая пауза.

Будет холодная зима... уже будет зима...

Женя (*вскользь*). Если бы можно было уехать отсюда.

Этель. Расскажите лучше, что в городе слышно, Эрш. Тихо? Вы же должны все знать... Вот я выезжаю. Если Давид очень хочет, я сажусь в свою карету и выезжаю. Но что можно из кареты видеть или слышать? Вот когда Давид работал на сахарном заводе...

Эрш (*перебивает. Когда говорит, встает*). Что значит? Разве я не помню, когда господин Гросман работали на сахарном заводе? Сколько раз они у меня закусывали, когда возвращались с работы. Спросите-ка у них? Я тогда был молод, и они были молоды...

Этель. Об этом, Эрш, нужно уже забыть. Работал? Пусть работал. Но не крал, никого не ограбил. Был человеком, скопил деньги и купил мельницу. Разве у того же хозяина другие не работали вместе с ним? А что они? Где они? Кто любит деньги, тот умеет делать деньги. Купил мельницу, потом перестроил ее, потом сломал и выстроил эту. Что же вы рассказываете, что он у вас закусывал? Вы хотели, вы угощали... А он и тогда не нуждался...

Эрш (*сидясь*). Я ничего этим не думал.

Этель. Я не говорю, что вы думали. Еще думать, что вы думали. Перестаньте! Так тогда, Эрш, когда он еще работал на сахарном заводе, я обо всем знала, что делалось в городе. Обо всем. И кто женится, и кто развелся, и кого убили; а теперь я ничего не знаю.

Женя. Зачем, мама, так много говорить?

Этель. Почему много? Это ведь Эрш. Не учи меня. Я сама знаю, с кем, и как, и сколько надо говорить.

Эрш (*хочет угодить обеим. Встал*). Я ничего не слышал. Эрш слышит? Много он может услышать, когда вот здесь бьется, а тут дрожит... Я бы, кажется, пушки не услышал, если бы она даже выстрелила возле моего уха.

Этель. Так. (*Кивает уверенно головой.*) Значит, вы хотите сказать, что очень плохо?

Эрш (*встал*). Плохо. Это тоже называется словом? Сидишь и шьешь. Шьешь? А что же делать? Танцевать? Но где душа? Не о чем говорить...

Женя (*заинтересованная*). Расскажите, Эрш.

Эрш. Считайте, что я рассказал. Так уже легче? И какое другое дело есть, как не бить еврея? Это какие-нибудь люди? Это же звери! И теперь идет уже не на шутку. Теперь нас всех вырежут. Что? Вы спрашиваете, как еврей не убегает? Вот так он не убегает. Куда ему бежать? В землю? В Америку? К Герцлю?¹ Да-да, можно поблагодарить войну.

Этель. Чем война виновата?

Эрш. А кто же виноват? Я?..

Этель. Рассказывайте, Эрш. Ну, ну! Смотрите, как у меня похолодели руки. Они стали холодны как лед. Обо всем могу слушать, но когда услышу об евреях, у меня стынет кровь...

Эрш. Что же еще сказать? Я уже все сказал. А дома я молчу? Говорю... Ну так говорю! Много это помогает. Сижу со своей женой и толкую: еврей должен сидеть тихо. Бог, – еврей!.. Что же они делают? Что они делают? И что это за бомбы, я вас спрошу? Бомбы нам нужны? Спрячьтесь в норы, и пусть вашего носа не увидят, когда в стране такое происходит. Я кричу: еврей, сидеть тихо! Зачем нам эти демократы, эти оборванцы мальчишки, девчонки, эти книжки? Они хотят биться головой о стенку, пусть стенка бьет их назад... Им нужна революция, пусть они и целуются с нею. А вы, оборванцы, влезьте в свои норы и затаите дыхание... (*Заметил, что стал очень развязным, и оборвал.*)

¹ Теодор Герцль (1860–1904) – реакционный еврейский публицист, основатель буржуазно-националистического движения – сионизма.

Женя (*вскользь*). Какой-то проклятый народ, эти евреи. Скорее бы уже всех перерезали. Этель. Что же будет?

Эрш. Вы хотите, чтобы я сказал, что будет. Хорошо попали! Ну хорошо, я скажу... Будут резать. Даже два раза переспрашивать не надо.

Входит Петя, пятнадцатилетний гимназист, с собакой. Одет с иголочки. Нетерпеливый голос. Держится гордо.

Петя. Мама, дай мне десять рублей. Байрон, сюда! Куш, ложись!

Этель (*с любовью оглядывает его*). Зачем тебе, Петенька, десять рублей?

Петя. Стану я рассказывать. (*Возится с манжетом.*) Проклятая запонка. Если я говорю, что мне нужно десять рублей, значит, мне не нужно двадцати. Байрон! Байрон, сюда!

Женя. Не понимаю, зачем мальчику могут быть нужны десять рублей?

Этель. Конечно, Петенька. В среду ты взял у меня пять рублей. Вчера тоже пять. Я ведь не жалею денег. Но деньги ведь отец выдает, а я не получаю у него тысяч на неделю. Нет, нет, Петенька. Если бы отец узнал, что я даю тебе столько денег, он бы меня убил! Возьми, Петенька, два рубля.

Петя. Отец, деньги!.. Ты всегда строишь из себя нищую, когда я прошу у тебя денег. И не хочу я, чтобы Женька вмешивалась. Какое ей дело? Сама тратит сотни на тряпки...

Женя. Никогда я не тратила сотен на платья.

Петя. И почему она здесь поселилась? Теперь она будет во все вмешиваться. Байрон! Байрон! Пусть вернется к своему милому мужу.

Этель. Петя, Петенька! Здесь ведь чужой человек.

Петя. Хоть бы сто чужих было. Что правда, то правда. Я сам был при том, когда она заплатила портнихе сто двадцать рублей за платье.

Этель (*рассмеялась*). Ну и на здоровье. Муж заработал и купил ей. Дай бог, чтобы он мог купить ей платье в тысячу рублей. Петенька, возьми же два рубля. Возьми. Теперь на мельнице забастовка.

Петя. Знаю, знаю. Вы всегда вздыхаете. То цена на муку упала, то пшеница вздорожала, то забастовка. А касса полна денег. Я был вчера в кабинете и видел, какую кучу денег папа вложил в кассу. Трудно вам дать десять рублей. И не хочу я разговаривать с вами об этом, я уже взрослый, и у меня большие потребности. Папа платит десять рублей за сотню сигар, а я ведь не говорю, чтобы он курил сигары в два рубля.

Этель. Но зачем тебе столько денег? Дорогой мой, ведь я боюсь. Подумай – десять рублей! Петенька, сыночек, возьми три рубля.

Женя. Бог знает, что из него выйдет.

Петя. Какое тебе дело? Что из тебя вышло? Училась, училась, и вышла замуж за толстоногого доктора. Хорошая карьера! А вот из меня что-нибудь выйдет. Я не буду вечно возиться с рабочими, как Сашка. Я буду инженером, папа даст мне денег. Открою фабрику и покажу всем, кто я.

Этель. Ну, Эрш? Как ему не дать десяти рублей? Что скажете на моего сыночка? (*Подходит к Пете и целует его.*) Петенька, возьми пять рублей. Ну для меня. Ты ведь любишь свою мать.

Петя (*холодно*). Десять.

Женя (*с досадой*). Ты его губишь, мама.

Этель (*вынимает деньги из кошелька*). Уже погубила! Посмотрите на этого погубленного мальчика. Он, бедненький, пьянствует, лазит по карманам. (*Рассмеялась. Целует его.*)

Эрш подобострастно улыбается.

Петя (*вытирает платком губы*). Всегда ты целуешь прямо в губы. Можно и в щеки целовать.

Этель (*смеется*). Что скажете на моего последненького, Эрш? (*Дает ему деньги.*)

Эрш. Скажу – дай бог всем иметь таких хороших, красивых детей, как ваш Петя. Ах, мадам Гросман, мадам Гросман! Почему одни счастливы и богаты, а другие несчастны и бедны? Положим, я уже хорошо спросил. За такие вопросы честные люди не должны меня впускать в свой дом. Но я ведь пришел оттуда. (*Указывает пальцем на окно.*) Вот там, за моей спиной, что-то плачет, что-то мучается. Мадам Гросман, мадам Гросман! Ведь это же наши братья – еврей! Потрудитесь и зайдите когда-нибудь к нам. Вот из окна видно, где мы живем, и эти руины говорят, как мы живем.

Этель. Я сама вышла оттуда.

Эрш. Вы забыли... Но ведь это же наши братья, вот что я хочу сказать. Почему ругать их, если они бросили работу? Кто соглашается голодать от радости? Ах, мадам Гросман, мадам Гросман! А плач этих святых еврейских женщин и этих бедных детей? И холод, и скорби, и нищета! Кто эти трое, что ходят в наших домах?

Этель (*холодно и строго*). А кто велел им бросить работу? Что вы говорите, Эрш? Ведь я могу подумать, что у вас в голове нехорошо или что вас подкупили! Как? Бороться с Гросманом? Кто хочет бороться? Оборванцы, нищие! Разве Гросман не был отцом всем рабочим на мельнице? Или вы так глупы, что думаете – забастовка нам пользу приносит? Или вам нужно растолковать, что она нас разоряет? Перестаньте, Эрш. Пусть стонут. И скорби, и голод, и нищета... Так им и следует.

Эрш (*уныло*). Так, я уже не говорю. Конеч. Я уже всего добился. Конеч.

Петя. А когда вы, Эрш, отрежете свою противную бороду? (*Подходит к нему, дергает его за бороду и смеется.*)

Эрш подобострастно улыбается и несмелыми жестами пытается освободить ее.

Эрш. Будьте здоровы. Зачем мне срезать бороду? Я уже красивый.

Петя. А вот я вам отрежу кусок бороды. Мама, дай мне ножницы.

Эрш. Вы шутите, Петенька. Кому нужен кусочек еврейской бороды?

Петя. А я хочу! Непременно евреям нужна вот такая борода. Оттого и мальчишки кричат нам на улице: ты – жид!..

Эрш. Так кричат! Пусть кричат. А я смеюсь над ними и иду своей дорогой. Я ведь знаю, кто прав. Отпустите бороду, я вас прошу.

Петя (*с отвращением*). Противный народ евреи. Байрон, сюда! (*Быстро выходит.*)

Эрш скорбно смотрит ему вслед; вздыхает.

Этель. Не обижайтесь на него. Ведь он еще мальчик. Вырастет и станет хорошим евреем, как все мы.

Эрш. Конечно, конечно, мадам Гросман. Теперь он еще немножечко дикий. Пусть живет и растет счастливым.

Из комнаты слева доносятся голоса; один громкий, хрипловатый, другой высокий теноровый.

Этель. Вот и Давид. Развяжите узел. Он не любит ждать.

Входят Гросман и Герман. Гросман высокий, плотный человек. Борода клином, низко подстрижена. На пальцах массивные кольца. Тяжелая цепь на жилете. Курит сигару. Герман бритый, низенький, толстый.

Гросман. Повторяю еще раз, Герман, что всему виной вы. Не возражайте же.

Герман (*робко*). Я не возражаю.

Гросман. Молчите же. Во всем вижу вашу вину. Но на этот раз я прощаю. Не будем спорить: рабочий распустился! Теперь уже нет того рабочего, который был прежде. Но, но, но и но! Вы своей политикой совсем испортили их.

Герман. У меня была хорошая политика. Я думал...

Гросман (*резко*). Вы думали! Не нужно было думать, а делать... С рабочими может быть только одна политика: строгость и строгость. Закапывать их в землю. Где же была ваша строгость? Вы, управляющий, способны были зазывать рабочего в контору и там с ним разговаривать. Я бы его позвал в контору? Он бы у меня увидел контору? Эта политика стоила мне в прошлом году десять процентов прибавки. Я сказал бы прямо, что вы меня разоряете. (*Этель, которая подошла к нему и потянула за рукав.*) Что такое?

Этель. Давид, Эрш здесь. Он принес тебе шубу.

Гросман (*сердито*). Какой Эрш, какая шуба? Значит, я должен бросить все дела ради какой-то шубы? Пусть подождет...

Этель (*робко*). Ну не сердись. Я думала, что можно. Эрш уже давно ждет тебя.

Гросман. Так еще подождет. Город не горит.

Эрш (*тихо*). Конечно, Эрш подождет. Что значит? (*Осторожно выходит.*)

Герман. Вы ударили меня прямо по голове. Я вам служу верно. Что же я делал? Правда, иногда я бывал мягок. Но разве из любви к ним? Я делал все, чтобы расположить их к нам. Если я выдавал им под праздник вперед за работу или зимой отпускал уголь по своей цене, то не для того ли, чтобы они были покорны? Я был строг всегда и редко добр. Но то, что теперь происходит, идет помимо нас. Теперь уже нельзя испугать рабочего...

Гросман (*с силой*). Можно.

Герман. В стране революция...

Гросман. Это нас не касается. Разве люди уже перестали жить? Лавки торгуют, люди кушают. Задайте им революцию, если они этого хотят. Покажите, как можно подкупить рабочего. У нас есть средства. Уступок на этот раз, Герман, не будет. Никаких прибавок, никакого восьмичасового дня. Никакой врачебной помощи и других глупостей.

Герман. Мои люди уже работают. Но рабочие теперь просто с ума сошли.

Гросман. Мы их вылечим. Подойдите-ка сюда. (*Отводит его в сторону.*) Распустите слух, что я очень озлоблен на рабочих и хочу остановить мельницу. Понимаете? Мозги у вас имеются в голове?

Герман (*покорно*). Имеются.

Гросман. Не моргайте же глазами. Поговорите с русскими рабочими и обещайте им что-нибудь. Надо напоить их... А с еврейскими рабочими не церемоньтесь. Что у вас за противная привычка моргать, когда с вами говорят. Приведите завтра ко мне двух-трех... Я сам с ними поговорю.

Герман. Уже иду и уже начну, как вы приказали. (*Голос его становится молящим.*) Господин Гросман, я ведь служу вам хорошей палкой. Вы, может быть, думаете, что рабочие любят меня? Боятся моего духа. Сколько раз эти руки били рабочих ради ваших интересов? А убить меня не хотели? Вы же все знаете. Господин Гросман, – я не виноват...

Гросман. Ну-ну, ступайте. Я вас знаю. Ступайте и помните, что за эти пять дней я уже потерял три тысячи.

Герман удаляется.

(*Опять зовет его.*) Я раздумал. Ступайте на мельницу и подождите меня. Позовите Степана и Петра. (*Думает.*) Ну ступайте! Я уже сам распоряжусь. Я только закушу и сейчас буду там.

Герман. Уже иду. (*Выходит.*)

Гросман (*ходит по комнате*). Я его заставлю танцевать на канате. Он действительно не виноват, но всех их, чертей, нужно в руках держать.

Этель. Конечно. Они все готовы утопить нас в ложке воды. Герман, наверно, хотел бы, чтобы ты служил у него управляющим, а не он у тебя.

Гросман. Пусть хотел бы! Ты не вмешивайся. Молчи! Кто сюда приходил?

Этель. Эрш принес шубу.

Гросман. Пусть идет к черту с шубой. На мельнице теряю, теряю, с домами возня... Шуба мне теперь нужна? Ты говоришь, кто пришел? Эрш? Ага! Ну хорошо, пусть Эрш идет сюда с шубой. Он мне, кстати, и нужен. Кажется, его сыночка зовут Мироном?

Этель. Кажется. (*Выходит в правую дверь.*)

Гросман (*Жене*). Что поделываешь, Женечка?

Женя. Я здесь только второй день, папа, и уже не помню, как я прожила эти четыре года. Все то же самое. Деньги, деньги и деньги...

Гросман (*смеется*). Поезжай домой. Я тебя не выгоню, хотя и следовало бы. Впрочем, я не вмешиваюсь.

Женя. Домой? Никогда! Я лучше повешусь.

Гросман удивленно смотрит на Женю. Входят Этель и Эрш.

Гросман. Послушай-ка, Этель, что говорит твоя дочь! Хорошо, очень хорошо. Действительно, надо было дать ей в приданое тридцать тысяч рублей. Не лучше ли было б на эти деньги купить бумаг или вложить их в мельницу? Ну хорошо. Учите меня, учите. Маша уже таких денег не получит.

Этель. Нужно тебе слушать, что она говорит.

Гросман. Я голоден. Скажи там, чтобы принесли что-нибудь. Сейчас пойду на мельницу. Покажите же шубу, Эрш. (*Осматривает ее.*)

Этель выходит.

Эрш. Это уже шуба. Это царская шуба.

Гросман (*надевает шубу*). Ну что, Эрш, делаете деньги? Нет? По-прежнему не хотите? Ой, Эрш, мы поссоримся с вами из-за этого.

Эрш. Что же делать, господин Гросман. Не все ведь такие счастливы, как вы. (*Вздыхает.*) Э, как-нибудь до могилы. Извините, здесь вас не жмет?

Гросман. Не жмет.

Эрш. И здесь тоже нет? (*Отступает и оглядывает Гросмана.*) В этой шубе вы похожи на короля...

Гросман (*бормочет*). На короля... У вас, кажется, есть сын, Эрш, и две дочери? Или два сына и одна дочь?

Эрш. Два сына и одна дочь, господин Гросман, и все мучаются, все мучаются. Один даже работает у вас на мельнице. Как же! Мирон у вас работает.

Гросман (*холодно*). Можете передать ему, что его-то не примут обратно.

Эрш (*вздрыгнул. Испуганно*). Его-то? Что значит – его-то?

Гросман. Значит. Будто вы, Эрш, не знаете. По-настоящему я бы не должен был принять у вас шубы и самого просто выгнать. Как? Кормиться моей работой и допускать, чтобы сын на моей же мельнице устраивал забастовки? Какой же вы отец? И какой вы человек? Разве вы не могли хорошенько палкой побить его? Вы не могли сказать ему: собака, против кого ты бунтуешь? Против Гросмана, который всех нас кормит?

Эрш (*помертвев*). Господин Гросман, господин Гросман...

Гросман. Вы не могли сказать ему: собака, ты хочешь, чтобы господин Гросман остановил мельницу? Так он ее остановит. Не бойся, собака, остановит! Все будете с голодудохнуть. Возьмите шубу. (*Таинственно*.) И сказать вам правду, Эрш, я окончательно решил, если не утихнет, остановить мельницу. Спрошу вас, зачем мне мельница? Теперь революция, погромы висят в воздухе, кто может и кто не может разъезжается. Возьму и я свою жену, детей и уеду в Европу. Разве я с моими деньгами не могу спокойно жить в Европе?

Эрш. Вы таки правы, господин Гросман. Я сам им говорил: что вы, евреи, делаете? Кому хотите вы зло сделать? Еврею? Ведь нам, евреям, нужно быть связанными, как пальцы на руке. Так меня и послушали! Я ведь все знаю. Я прошу, я кричу: еврей не должен идти против еврея. Ведь в этом все наше еврейство!

Гросман (*холодно*). Не говорите глупостей, Эрш. Какое еврейство? Я не знаю никакого еврейства. Вы работаете – я плачу. Вы не работаете – я не плачу. Вот и все еврейство. А если правду сказать, то мне русские рабочие дороже еврейских. Еврей всегда лезет со своим еврейством. Рабочие должны знать, что я хозяин, а они мои слуги...

Эрш. Вы таки правы, господин Гросман. Но меня учили, что еврейство есть. Я так слышал... (*Складывает шубу*.) Прошу вас за моего сына, господин Гросман. Такое тяжелое время... Прошу вас за моего сына.

Гросман (*будто не слышит*). Когда вы принесете шубу?

Эрш. Через неделю или через десять дней. Господин Гросман, прошу за сына. Хочу хорошее слово услышать.

Гросман (*нарочно кричит*). Этель, где же закуска?

Эрш смотрит на него, уныло качает головой. Уходит. Входит Этель, за ней следует горничная с большим подносом в руках.

Этель. Это такая рыба! (*Хлопочет около Гросмана. Обращается к горничной*.) Приноси самовар.

Горничная выходит. Гросман садится у стола, засовывает край салфетки за жилетку. Этель садится против него, сложила руки на груди, смотрит, как он ест. Подает ему то хлеб, то нож, то лимон.

Гросман (*сквозь зубы*). Ну а ты?..

Этель. Кушай, кушай. Найду что поесть. Не ешь так быстро. Ты когда-нибудь подавишься!

Он кашляет.

Вот ты уже закашлялся. Дай-ка, я переберу рыбу.

Он молча жует.

Дать еще лимона?

Гросман. Дай лимон. Женя, ты не хочешь?

Она садится у стола и отрицательно кивает головой.

Этель. Ну, что будет?

Гросман (*раздраженно*). Не спрашивай меня! Когда я молчу, молчи тоже. Я им покажу забастовку. Я из них все жилы вытяну, такая это будет забастовка. Кто поднял нос? Мироны, Иваны!..

Этель. Из-за этой смуты все низкие поднимают нос.

Женя. Папа!

Гросман. Я им покажу нос... Подумаешь, что случилось? Мироны и Иваны вздумали отдыхать. Как будто у них мало времени, чтобы попойнствовать, пошарлатанничать? Дай им восьмичасовой рабочий день! А болячек не возьмете?

Женя. Папа, выслушай меня хоть один раз...

Этель. С евреями, Давид, надо быть добрее.

Гросман (*сердито*). Почему с евреями? Разве они мои родственники? А если и родственники? Значит, я должен отдать им свое богатство? Вот почему я не люблю разговаривать с тобой. Что такое еврей? Нахал! Что еще? Собака, дерзкий. Ему первому все не нравится. (*Саркастически смеется.*) Еврей! Ведь это же язва! Спроси-ка у меня, кто портит моих русских рабочих.

Женя встала. Ходит по комнате.

Где же сладкое?

Этель. Вот сладкое. Почему ты рассердился? Ты как спичка, Давид. Что же я сказала? Еврей ведь мне ближе, и я сказала. А для меня пусть у них всех болячки поседают в горле, если они желают нам зла.

Гросман (*ест сладкое*). Они хотят двадцать пять процентов прибавки и смены. Знаешь, во что это обойдется мне, если на мельнице работают свыше ста человек? Чистые пустяки. Что-то около двадцати пяти тысяч в год, если не больше.

Этель. Чума бы их унесла! Сломали бы они себе руки и ноги.

Гросман. Не кричи. Вот ты уже кричишь. Надо быть хладнокровным. Они хотят! Этого еще мало, что они хотят. А где же я? Мне только немного мешает эта глупая революция, а то я бы им показал, кто такое Гросман. Если бы не революция! Чего тебе, Женечка? (*Вытирает усы.*)

Горничная вносит самовар. Входят Вайц и Маша.

Женя. Нет, ничего, папа. Мне уже ничего не нужно.

Гросман. Не нужно? Так не нужно! Этель, дай мне стакан чаю. (*Смотрит на часы, подает руку Вайцу.*) Что нового, Вайц? Как идут занятия с Петей?

Вайц. Как всегда, господин Гросман. Он немножко ленится, но удивительно способный.

Гросман. Ну это ваше дело. Главное, чтобы мозг у него развился. Мне не нужно высшего образования, сумасшедших знаний. Это все пустяки. Я уже вижу, что из Саши выйдет. Главное в жизни — голова для оборотов. Ведь я сам был простым рабочим, а математику

знаю не хуже учителя. В политике и в социальном вопросе поспорю со знатоком. На ходу всему выучился.

Вайц. Я знаком с вашими взглядами и делаю что могу.

Гросман (*уже забыл о нем. Пьет чай, разговаривает с Этель*). Мне бы только до главных зачинщиков добраться. (*Говорит тихо.*)

Маша. Как скучно... (*Ломает пальцы.*) Здесь, Вайц, и воздух как в тюрьме. Когда он... (*указывает на отца*) говорит, – мне начинает казаться, что я схожу с ума. Деньги, деньги, рабочие, мельница... Повернитесь к нему спиной и не слушайте. Повернитесь, я так хочу. От дыхания его падают люди.

Вайц (*тихо*). Милая Маша, он может услышать. (*Повернулся спиной к Гросману.*)

Маша (*упрямо*). Пусть услышит! Я бы наконец высказала ему все, все... И, однако, Вайц, люблю его, ее... (*Указывает на мать.*) Как странно!

Вайц. Мама вам дает чай.

Маша. Чай? Ах, хорошо. (*Засмеялась.*) Буду пить чай.

Этель. Ты сегодня бледна, Машенька.

Маша. Бледный цвет лица очень интересен. Он нравится офицерам.

Вайц (*с упреком*). Зачем вы так говорите?

Старики тихо разговаривают.

Маша. Хочу... Дайте потихоньку вашу руку. (*Устало.*) Нет, не надо. Мне хочется чего-то страшного, мучительного... криков... Я хотела бы, чтобы все кричали от боли... Слышите, опять: деньги, деньги. Папа, сколько ты сегодня заработал?

Гросман. Я ежедневно теряю шестьсот рублей.

Маша. Так мало? (*Кивает головой.*) Как хорошо было б, если бы ты обеднел!

Гросман (*солидно*). Не говори глупостей.

Маша. Хочу говорить глупости. Разве здесь может прийти в голову что-нибудь умное? Спроси у меня хоть раз, что я делаю по целым дням? Кончила гимназию и жду жениха, которому ты дашь пятьдесят тысяч или двадцать тысяч, как тебе будет выгоднее.

Этель. Перестань, Машенька.

Маша. Разве это неправда?

Гросман (*равнодушно*). Приданое зависит от мельницы. Может быть, пятьдесят тысяч, а может быть, и двадцать.

Маша. Все мельница, мельница, а отца как будто и нет...

Гросман. Не сердь меня. Мельница? Что вы в ней понимаете? Мельница не ты и не я. Она выше всех нас. От нее кормятся сто двадцать рабочих и шестьдесят служащих – с семьями это семьсот человек. Она вырабатывает три тысячи пудов в день, кормит сотни купцов, тысячи пекарей и десятки тысяч людей. Мой хлеб едят в Америке и Европе. Твоя жизнь в руках мельницы, Маша! А всех этих мужчин, женщин и детей? Кто дает хлеб, радость и надежду? Мельница! Кто может жениться, если мельница не хочет? Пусть мельница сгорит, и пропадет тысяча душ. Вот что такое мельница.

Этель (*с гордостью*). Мы отдали ей всю жизнь. Нашими жилами двигаются ее колеса. Вся наша молодость, здоровье и силы разбросаны там в каждом уголку.

Гросман (*с презрением*). Мы, мы! Перестань разговаривать. Пойдем, я переоденусь. Подумаю и, может быть, поеду к полицмейстеру.

Выходят.

Маша (*с ужасом*). Мне иногда кажется, что они сумасшедшие.

Женя. В моем доме не лучше.

Вайц (*встает*). Я, может быть, здесь лишний?

Женя. Нет-нет, Вайц. Я рада новому человеку. Вы можете понять меня. Ведь уже ни для кого не тайна, что мой муж врач-биржевик и что я бросила его.

Маша. Почему евреи так любят деньги, дела? Отец сказал бы: не говори глупостей. А я ответила бы ему: потому нас и бьют, режут.

Вайц. Не потому.

Маша. Потому. Не спорьте. Я так хочу. Я сама себе противна. Мне кажется, что я набита бумажками и что в крови моей течет растворенное золото. Ненавижу евреев.

Вайц. Вы так быстро возбуждаетесь...

Маша. Я завидую вам: вы свободны.

Вайц. Не завидуйте. Если человек чувствует себя гражданином, как я, и не бросается с головой в революцию, а учительствует, он жалок! Вот льется кровь. Но человеческая кровь на мне – никогда! Мои руки в крови – никогда! Гиганты духа стаями опустили над страной, а я, Маша, в стороне. Быть сыном своего народа, верить в его творческие силы, знать, что в революции его исцеление, и держаться вдали – позор!

Женя. Почему же вы не заставите себя?

Вайц. Это легче сказать. На моих руках большая семья: слепой отец, старая мать, братья, сестры. С тех пор что я помню себя, я работал на них. У меня не хватало времени на самое необходимое. Я мечтал о службе народу и превратился в клячу.

Женя. Мне жаль вас, Вайц. Вот вы несчастны и я... Подадим друг другу руку.

Маша. Когда вы говорите о нашем народе, которого всегда оплевывали, всегда били и теперь режут, я чувствую ненависть к вам. Всеми презираемый – наш народ? Я завидую, Вайц, каждому христианину, я завидую собаке христианина.

Женя. Ты сумасшедшая.

Вайц. Есть утешение, Маша. Мы, все слабые, немощные, сольемся с народом и будем страдать с ним. Мы не умеем хотеть, смешаемся с массой. Пусть и нас уничтожат.

Маша. Нет-нет. Вот я их вижу всех, жалких, оплеванных, ненавидимых... Страдать с евреями? Нет! Пусть их вырежут. Лучше пойти к христианам и сказать: умертвите нас.

Женя. Почему любить нас, если мы сами себя ненавидим?

Маша. В моей душе тоска. Посмотрите на эти комнаты. Их здесь двенадцать, и ни одной уютной, человеческой. Все грубо, пошло. Здесь обитают вампиры.

Сидят мрачно. Пауза. Входят Гросман и Этель. Гросман в сюртуке.

Этель. Ну поезжай уже. Ты и так много времени потерял.

Входит Розенов. Он среднего роста, изысканно одет, в пальто. В руке палка. Носит пенсне. Все смущены.

Вайц выходит. Женя убегает в кабинет.

Розенов (*громко, вслед Жене*). Женя, Женя!

Этель. Что же ты, Яков, даже здравствуйте не скажешь? (*Хочет взять у него палку и шляпу.*)

Розенов. Нет-нет, мама. Я зашел только на минутку.

Этель. Все-таки можно отдать шляпу и палку...

Гросман. Зачем ты пристаешь к нему? Не хочет – и не надо.

Этель (*робко*). Сказать правду, Яша, я этого не ожидала от тебя. Это не идет к тебе. Ты образованный человек, ты доктор...

Розенов (*прерывает ее*). А я от вас не ожидал таких действий.

Гросман (*сердито*). Каких действий?

Этель. Ну вот уже и мы виноваты. Я так и знала, что ты это скажешь. Яков, ты ведь меня называешь мамой. Будь со мной как с матерью. Душа ведь болит и за тебя и за нее.

Розенов. Почему же вы ей позволили остаться здесь?

Гросман. Не задавай нам вопросов, и мы тебе не будем задавать. Я не хочу ничего знать. Я выдал ее за тебя и отсчитал тридцать тысяч рублей. Я устроил такую свадьбу, которую будут помнить в городе двадцать лет. А дальше не мое дело. Вот это я хотел сказать тебе. Делайте что хотите, но меня оставьте в покое.

Этель. Дорогой Яша, помирись с ней. Она ведь молодая женщина. Выросла в нежности, все ей прислуживали. Пойди к ней...

Розенов. Но разве я поссорился с ней? Вам надо вникнуть в нашу жизнь. Женя очень странная женщина. (*Расстегнул пальто. Ходит по комнате.*) Я не понимаю ее. То она запиралась в своей комнате, и по целым неделям ее нельзя было выманить оттуда. Ведь это невозможно. Подумайте, жена, которую муж по неделям не видит. Я сам несколько раз собирался поговорить с вами. Иногда она начинала швырять деньгами. Что же это такое? Тесть, вы ведь знаете, что деньги не падают с неба. Ведь если бросать деньги направо и налево, как она, бывало, делает, то не только моей практики – и ваших тридцати тысяч не хватит, но можно и Блейхредера² разорить.

Гросман. Вот я и прав, когда говорю, что не хочу знать ваших дел.

Розенов. Войдите же в мое положение. Я тяжелым трудом зарабатываю деньги, и мой труд топчут ногами. Со мной разговаривают как с мужиком, меня упрекают в мещанстве, в скупости. Позвольте, кажется, я окончил университет и могу знать цену всем этим возвышенным разговорам о мещанстве, об идеале. Вправе ли я желать, чтобы в моем доме было тихо? Подумайте же, тесть. Бросила детей... На что это похоже? Хорошо еще, что моя мать согласилась присмотреть за домом и что нас не бросила... эта добрая бонна. Теперь нужно бояться, чтобы скандал этот не огласился.

Этель. Хорошо, я пойду к ней. Только, Яков... ты ведь тоже неправ. Машенька, пойди к себе. Мне надо поговорить о том, чего девушке нельзя знать и слушать.

Маша. Не хочу.

Розенов. Пожалуйста, пожалуйста, мама, без интимностей. Все остальное – наше дело, и я никому не позволю вмешиваться...

Этель (*покорно*). Хорошо, не буду вмешиваться... Только ты, Яков, должен уступить ей. Ты должен. Ты старший, а старший всегда умнее и уступает.

Гросман (*со скупающим лицом*). А мне пора. Устраивайтесь как знаете. (*Подает руку Розенову.*)

Розенов. Прощайте, тесть.

Женя (*показывается в дверях кабинета*). Мама, я не хочу, чтобы ты с ним разговаривала. Выгони его. Не хочу знать ни его, ни его детей, ни его родственников! Его мать, когда приходит, изводит меня.

Розенов. Женя, Женя, постыдись же...

Женя (*у дверей*). Не хочу стыдиться. Начни ты первым. Ты врач и стал биржевиком. А я не хочу жить с биржевиком.

Розенов (*обращаясь к старикам*). Что вы скажете о ней? Вот такие сцены происходят у нас ежедневно.

Гросман (*с досадой*). Оставьте вы меня все в покое... (*Быстро уходит.*)

² Герсон Блейхредер (1822–1893) – личный банкир Бисмарка и неофициальный советник германского правительства по финансовым вопросам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.